

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ И РЕЧЕВОМ СТАТУСЕ
ТАК НАЗЫВАЕМЫХ „СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СЛОВ”

С. И. НЕДЕЛЯЕВА-СТЕПОНАВИЧЕНЕ

В числе лексических инноваций, получивших большое распространение за последние десятилетия в славянских, а также, хотя и в несколько, по-видимому, меньшей степени, в балтийских языках, находятся образования, состоящие из двух, реже более чем из двух слов, относящихся к одной части речи, обладающие семантической цельностью и полным или по крайней мере частичным формальным параллелизмом, как бы „вторящие” друг другу, вследствие чего к ним иногда применяется образное обозначение „двойняшки” [Граудина, 1983, с. 57; Jodlowski, 1977, s. 122; Веґе, 1957]. В качестве примеров, иллюстрирующих данные единицы, в исследованиях, посвященных их изучению в славянских и балтийских языках, приводятся образования типа рус. *плагц-палатка*, *изба-читальня*, *матч-турнир*, *матч-реванш*, польск. *klub-kawiarnia*, *szcnotka-odkurzacz*, *miasto-gigant*, болг. *кораб-придружител*, *работник-зидар*, *паун-пале*, лит. *mokykla-internatas*, *filmas-opera*, *paikšciai-medziotojai* и др.

Термин „двойняшки” не относится к числу общепринятых¹. Более распространенными по отношению к указанным единицам являются обозначения: „сложносоставные слова”, „составные слова”, „составные наименования”, „двойные наименования”, иногда их называют также „составными терминами”, „сложными словами составного характера”, „сближениями”, „аппозитивными сочетаниями”, „словосочетаниями аппозитивного типа”, „сочетаниями с приложением”, „близинами”, „аддитивными образованиями” и др. Из одного лишь перечисления и большой терминологической разнородности ясно, что указанное явление трактуется весьма неоднозначно. В одних случаях объем его оканчивается заужен до одной лишь части речи (чаще всего существительного), либо до одного из подклассов (прежде всего сочетания с прило-

¹ Точнее было бы называть подобные единицы не „двойняшками”, а „близнецами”, так как они допускают соединение трех, а иногда и четырех компонентов, что уже, по-видимому, для этих единиц образует предел: *dvivritis-amfibija-rogės*, *вечер-митинг-праздник-концерт* (Лит. газ., 1986, 22 янв.); „уж все гости льют-едят-кушают” [Киреевский, 1864, с. 15]; *красный-синий-голубой*. Численность компонентов сложносоставной единицы, как видим, не зависит от части речи.

жением); либо, наоборот, за счет объединения рассматриваемых единиц с единицами различных и противопоставленных друг другу уровней, уровня слова и уровня словосочетания, объем последних единиц неправомерно расширяется, вследствие чего границы между отдельными языковыми уровнями оказываются расплывчатыми или полностью стираются.

Неуклонно возрастающий процесс образования подобных единиц отмечается в русском языке начиная примерно с середины 30-х гг. XX в. [Лексика современного русского литературного языка, 1968, с. 58]. Некоторые грамматисты считают рост аналогичных образований в других славянских языках влиянием русского языка [Jodfowski, 1977, s. 9; Молошная, 1975, с. 97, 153]. Другие, наоборот, подчеркивают возможность самостоятельного появления их в языке [Nilson, 1957, p. 88] или под влиянием других языков наряду с русским [Klemensiewicz, 1982, s. 705].

Популярность подобного рода образований объясняется, по-видимому, тем, что они отвечают „духу времени”: они компактны, способствуют осуществлению одной из важнейших тенденций языкового развития, тенденции к экономии языковых усилий, и обладают большими смысловыми и выразительными возможностями. Они легко возникают в речи, условием их образования является лишь семантическая совместимость компонентов и наличие объективной связи между их референтами. Будучи специфическим средством номинации, сочетающим в себе семантическую цельность (они обычно обозначают одно понятие) и расчлененность, аналитичность структуры; „двойные” сложносоставные единицы весьма результативно служат средством преодоления основных антиномий, действующих в языке: антиномии между кодом и текстом и антиномии между коммуникативной и экспрессивной функциями языка. Создание новых единиц подобного рода не требует увеличения кода, так как они обычно составляются из уже существующих в языке единиц. С другой стороны, их возникновение не связано со сколько-нибудь значительным увеличением необходимого для их понимания текста, — семантика таких единиц обычно прозрачна и складывается из значений составляющих их компонентов, на которые они легко членятся и, следовательно, расшифровываются при помощи минимального контекста.

Активно используемые в сфере профессиональной, обиходно-бытовой, научной терминологии в качестве одной из ее наиболее характерных особенностей, сложные составные единицы — „двойняшки” все более активно осваивают и другие сферы языкового общения, в том числе язык художественной литературы. Наиболее заметна их значимость в языке массовой печати, прежде всего периодики. Трудно найти номер еженедельника или газеты на русском, польском, болгарском, литов-

ском языке, где бы не встретились в количестве нескольких десятков образований подобного рода.

Сама по себе модель — соединение в одной единице двух или нескольких слов, относящихся к той же части речи, путем их непосредственного соположения ни для славянских, ни для балтийских языков — не инновация. Образования по такой модели известны этим языкам с глубокой древности и восходят, по-видимому, еще к периоду индоевропейской общности. Они широко представлены в произведениях, относящихся к сказочному и поэтическому народному творчеству, употребляются как народные названия растений и животных, ср.: рус. *лук-самострел*, *змея-трава*, *конь-шатун*, *рубаха-парень*, *корабль-самоплав-самолет*, *спать-почивать*, *золотой-серебряный*, *подобру-поздорову*, *тихо-мирно*; болг. *бисер-съзли*, *очи-череша*, *изгрев-слънце*, *вевжди-пиявици*, *немили-недраги*; польск. *szatawila-księżyc*, *dukaty-czerwońce*; лит. *mergelė uogelė*, *broleliai sakalėliai*, *žemė matintoja* и др.

Инновацией, следовательно, является не сама модель, но лишь ее активизация в славянских и отчасти в балтийских языках на современном этапе, возросшая значимость по сравнению с другими способами создания неологизмов в этих языках. По наблюдениям некоторых исследователей [Пащера, 1984, с. 15; Джоглидзе, 1979, с. 18], эта модель представляет собой самый активный способ деривации существительного в русском языке новейшего периода (50-х — начала 80-х гг.). Образования по этой модели в польском языке также отмечаются как „obespe szczególne modne” [Jodłowski, 1977, s. 22]. О том же свидетельствуют исследования процессов неологизации в болгарском языке [Стефанов, 1968].

В образовании такого рода единиц языка отчетливо проявляют специфику. Исследование этой специфики нуждается в специальном изучении, которое не входит в задачи настоящей статьи. Чаще всего в образовании сложносоставной двучленной единицы в привлекаемых здесь для рассмотрения языках участвует имя существительное. Объединение двух прилагательных для таких языков, как русский или польский, в настоящее время малохарактерно, однако оно обычно для литовского: *mokslinis-metodinis*, *pedagoginis-auklėjamasis*, *raudonas-baltas*, *žėminis-pavasarinis*. Для литовского языка характерны объединения параллельных форм родительного падежа существительного в функции несогласованного определения (ср.: *fizikos-matematikos mokslų daktaras*, *lakų-dažų pramonė*) при отсутствии или редкой употребительности других падежных форм типа *fizika-matematika*, *lakams-dažams*. Свою специфику „двойняшки” проявляют и при взаимодействии с другими единицами языка, в частности со сложным словом [Молошная, 1975, с. 98 и др.].

Сложносоставным двучленам, „двойняшкам” в славянских языках

посвящена довольно обширная литература². На материале русского языка они еще в прошлом веке подробно изучались такими выдающимися лингвистами, как А. А. Шахматов, А. А. Потебня, А. М. Пешковский³. Вопрос о так называемых „составных словах“ в той или иной степени рассматривается во всех научных грамматиках русского языка, начиная с самых ранних. Тем не менее, как справедливо отмечается в одной из последних работ на эту тему, „статус этих единиц до сих пор не определен в науке“ [Абакшина, 1984, с. 134]. По отношению к этим единицам нередко высказываются прямо противоположные суждения. Одни исследователи считают их сложными словами и относят их к лексическим образованиям, другие видят в них единицы синтаксиса и включают их в разряд словосочетаний, признавая за ними статус однословной грамматической единицы, третьи рассматривают их как слова, но особого рода, четвертые называют составными лишь с неизменяемым первым компонентом, пятые, наоборот, составными считают лишь единицы с изменяемым и первым, и вторым компонентом, а единицы с неизменяемым первым компонентом считают сложными, при этом и те, и другие компоненты получают статус слова. Некоторые исследователи трактуют эти единицы как образования, занимающие промежуточное положение между сложным словом и словосочетанием, однако подробно этот „промежуточный“ статус, как правило, не определяется. В толковых словарях данные единицы также подаются нередко недифференцированно: одни и те же единицы в разных словарях оказываются то заглавным словом словарной статьи, то словосочетанием, образующим микроконтекст для однословной словарной единицы [Абакшина, 1984, с. 143 и след.].

Сходное положение по отношению к указанным единицам наблюдается и в других славянских языках [Балтова, 1971]. В литовских грамматиках указанные образования традиционно рассматриваются лишь применительно к приложению в учении о членах предложения [Lietuvių kalbos gramatika, 1976, p. 429–437]. Наконец, в научной литературе можно встретить и такую мысль: данная единица представляет собой промежуточный этап на пути слияния более крупных синтаксических единиц в одно слово, своего рода переходное состояние.

Столь резкие расхождения во взглядах на сущность и характер изучаемого объекта, отсутствие преобладающего подхода отрицательно сказываются на практике его лексикографирования, затрудняют дальнейшее осмысление накапливающегося во все увеличивающемся объеме

² Список литературы по данному вопросу см. в монографии Т. Н. Молошной [1975], а также в статье Г. М. Абакшиной [1984].

³ Обзор точек зрения этих исследователей можно найти в работах Н. Авазбаева [1969] и К. Л. Ряшенцева [1976].

материала, содержащегося как в словарях неологизмов⁴, так и в специальных исследованиях по неологии славянских и балтийских языков. Кроме того, сопоставительное изучение любого объекта, в том числе сложносоставных единиц-двучленов, также нуждается в его рассмотрении под общим углом зрения и классификации по одному основанию⁵

Прежде чем приступить к попытке определения статуса сложносоставных единиц „двойняшек”, укажем, от каких единиц мы их отличаем. По нашему мнению, сложносоставные единицы (двучлены, „двойняшки”) должны быть отграничены от следующих единиц, с которыми они не всегда разграничиваются при исследовании: 1) от удвоенных и повторов, 2) от предикативных конструкций, 3) от сочинительных конструкций, 4) от составных двучленных единиц с одним неизменяемым компонентом, 5) от так называемых „кратных” падежных конструкций. Следующим этапом должно стать рассмотрение их отношения к сложному слову и словосочетанию, с тем чтобы попытаться установить, к какому уровню языковой системы следует их относить и в чем состоят специфические особенности рассматриваемых образований. Не претендуя на окончательное решение столь сложного и запутанного вопроса, попытаемся все же высказать некоторые соображения.

Вопрос об отграничении стоит неодинаково для образований от различных частей речи⁶. Начнем с первого пункта. 1) От удвоенных и повторов сложносоставные единицы отличаются тем, что они представляют собой объединение разнокорневых слов, относящихся к одной и той же части речи и обладающие параллелизмом грамматических форм, ср.: *одет-обут, купно-sprzedaž, суженый-ряженный и говорит-говорит, bégte bého, полным-полно*. Кроме того, удвоение имеет другую функцию, отличную от функции служить средством номинации, характерной для сложносоставной единицы, – служить средством выражения грамматического значения модальности (усиления признака,

---

⁴ Словарная работа по фиксации неологизмов ведется во всех славянских странах, в Латвии и Литве. Неологизмы русского языка к настоящему времени представлены в двух словарях-справочниках „Новые слова и значения” (– М., 1971 и – М., 1984) и в четырех выпусках издания „Новое в русской лексике” (Словарные материалы –77, –78, –79, –80. Выпуски вышли в 1980, 1981, 1982 и 1984 гг. и содержат около 14 тыс. словарных единиц).

⁵ Составные единицы славянских языков рассматриваются в сопоставительном плане пока в единственной работе – монографии Т. Н. Молошной [1975], где приводится большой материал по их изучению и где они рассматриваются в составе словосочетания.

⁶ Напр., отграничение от удвоенных наименее, по-видимому, актуально для существительного, не случайно в грамматиках русского языка приводятся обычно единичные примеры удвоенных – существительных: *кругом леса, леса; туман-туман*.

длительности, интенсивности и т. д.)⁷. Подобное свойство быть грамматическим средством у составных единиц „двойняшек” отсутствует.

2) От предикативных конструкций составные единицы „двойняшки” отличаются тем, что произносятся с меньшей паузой (на письме это передается дефисом), в то время как компоненты предикативной конструкции на письме разделяются тире, ср.: *брат-роб* и *брат – роб*, а также тем, что составные двучленные единицы выступают в предложении как один член предложения. 3) От сочинительных конструкций составные единицы отличаются тем, что первые допускают в произнесении паузу, которая при необходимости может быть увеличена, а также тем, что во втором случае сочетание обладает одним референтом, что, в частности, выражается невозможностью присоединить отдельно к каждому из компонентов определение, ср.: *имя, отчество и имя-отчество, ваше имя, его отчество, ваше (ваши) имя-отчество*. На письме соединительная связь между членами сочинительной конструкции выражена обычно запятой, ср.: *ходит-бродит и ходит, бродит; первый, второй и первый-второй*.

4) От конструкций с одним неизменяемым компонентом сложносоставные единицы-двучлены отличаются тем, что оба их компонента участвуют в словоизменении, ср.: *соххозу-гиганту* и *блок-схемой, помощник-аптекарка* и *помощник-аптекарят* и *кэщи-музеи, программой-заданием* и *программу-максимум, городу Ленинграду* и *журналом „Ленинград”, filmui-pasakai, rok-operai*. 5) От „кратных” падежных конструкций, образующих несогласованное определение, прежде всего так называемого „кратного именительного”⁸, а также, по-видимому, „кратного родительного”, сложносоставные единицы отличаются тем, что оба компонента таких конструкций представляют собой застывшие падежные формы и в качестве несогласованного определения входят в состав словосочетания, ср.: *проблемът „музика – човек”* и *„человек-оркестр”*, принцип „цельнооформленности” – „раздельнооформленности” и *цельнооформленностью-раздельнооформленностью*.

Вопрос о том, является ли сложносоставная единица-двучлен сложным словом, решается сравнительно просто: достаточно сравнить пары *ракета-носитель* и *ракетоноситель*⁹, *матча-реванша* и *матч-реванша*, *garaž-parking* и *garažoparking*, *klub-kawiarnia* и *klubokawiarnia*, *filmas-opera*

⁷ На интенсивно-итеративный характер удвоения (редупликации) указывает Е. Д. Поливанов; см.: Статьи по общему языкознанию. – М., 1968, с. 144.

⁸ О „кратном именительном” см.: Янко-Триницкая Н. А. Кратный именительный в функции определения. – В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. – М., 1966.

⁹ Мы оставляем здесь в стороне вопрос об отношении слов *ракетоноситель*, *klubokawiarnia* и подобных к норме.

и *zigzag-dygnis*, чтобы убедиться, что сложносоставные единицы, обладая всеми признаками сложного слова¹⁰, не обладают признаком морфологической цельнооформленности¹¹, которые многие исследователи считают главным признаком сложного слова¹². Компоненты сложносоставной единицы в отличие от компонентов сложного слова обладают морфологической самостоятельностью, они могут иметь собственную форму числа и рода, участвовать в деривации: *роман-воспоминания, костюмчик-тройка, стройный-тонюсенький, senelē generolas, žemė motulé* и т. п. Следовательно, сложносоставную единицу-двуучлен нельзя включать в состав сложного слова. Вместе с тем ясно, что сложносоставные единицы и сложные слова являются „ближайшими соседями“, и тем и другим свойственна семантическая цельность (относятся к одному референту) наряду с расчлененностью номинации (соотносятся с двумя самостоятельно употребляющимися словами), в них выделяются те же семантические отношения атрибутивности и парности (по другой терминологии, детерминативности и копулятивности, подчинительности и сочинительности¹³). И те, и другие единицы функционируют как одно слово, не допускают изменения порядка и разрыва компонентов, в составе предложения способны перемещаться только в единстве – таков далеко не полный перечень черт, сближающих сложносоставные единицы со словосочетанием. Наконец, и генетические отношения связывают сложносоставные единицы со сложными словами, для которых они нередко служат базой образования, средством пополнения словарного состава языка сложными словами.

Не случайно самому распространенному типу сложносоставных „двойняшек“ в славянских языках – сближению двух существительных, обладающих большим или меньшим формальным параллелизмом,

---

¹⁰ О признаках сложного слова подробно см. в канд. дис. Г. А. Бобрин „Сложные слова и словосочетания в отношении к общим для них и различным признакам“ (на материале славянских, германских и тюркских языков). – Алма-Ата, 1974 (машинопись).

¹¹ Признак цельнооформленности сложного слова в отличие от словосочетания был выдвинут А. И. Смирницким в статье „К вопросу о слове“ (Вопросы теории и истории языка. – М., 1952, с. 197) и в других его работах. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход.

¹² Признак морфологической цельнооформленности, как справедливо отмечает В. М. Павлов, не всегда „работает“ в деталях [Павлов, 1985, с. 229], тем не менее он остается главным водоразделом между сложным словом и словосочетанием в подавляющем большинстве случаев. За основу разграничения его принимает, в частности, Т. Н. Молошная [Молошная, 1975, с. 37].

¹³ Понятие семантической подчинительности/сочинительности не следует смешивать с синтаксическими подчинительными/сочинительными отношениями, которые у компонентов составной единицы отсутствуют.

соответствуют самые распространенные, „типичные“ детерминативные композиты в языках, где имеется развитая система словосложения, таких, как германские. Ср.: рус. *поэт-композитор* и нем. *Dichterkomponist*, польск. *kobieta-pisarz* и дат. *kvindeforfatter*, рус. *кресло-мешок* и дат. *sækkkestol*, рус. *мать-земля* и исп. *madurjörd*, рус. *мальш-дракон* и исп. *drekabam* (с первым компонентом в форме р. пад.).

Тем не менее, несмотря на столь значительный изоморфизм, сложносоставные единицы не могут быть отнесены к тому же уровню, что и сложное слово: в отличие от монологитного, целостного объединения оснований в единое сложное слово, они представляют собой объединение двух слов в спаренной, целостной единице.

Отнесение сложносоставной единицы к словосочетанию представляется еще менее оправданным, чем включение их в состав сложного слова, по двум причинам: 1) компоненты такой единицы не связаны между собой подчинительной связью; 2) ни один из компонентов не может быть признан главным до тех пор, пока не будет определен его статус в качестве языковой или речевой единицы.

Из всех видов подчинительной связи лишь согласование могло бы быть той связью, на которой основано соединение компонентов-„двойняшек“, так как чаще всего компонентам подобных единиц свойственно взаимоподобление во всем объеме их форм. Действительно, сочетания с приложением (а согласованием сочетание никаких других частей речи быть не может) традиционно принято относить к подчинительной связи и считать неполным согласованием. Обязательным для приложения является согласование в падеже [Русская грамматика, 1980, с. 58].

Но если обязательным является лишь согласование в падеже, как следует тогда рассматривать составные образования болгарского языка? В болгарском языке падеж, как известно, отсутствует, тем не менее образования типа *брат-роб*, *вагон-цистерна* явно однотипны соответствующим образованиям других славянских языков и связь между компонентами таких единиц явно ощущается как нечто большее, чем простое соположение. По-видимому, основой связи является не согласование, а тот параллелизм форм, о котором говорил еще Д. Н. Овсянко-Куликовский [Овсянко-Куликовский, 1902, с. 228], согласованность, взаимное уподобление форм, которое при благоприятных условиях может быть полным, а может быть сведено до минимума. Этот взаимоповтор, взаимоподобление выражаются и в тяготении к созвучиям, столь характерным для сложносоставных единиц: *слезы-угрозы*, *кошѣ такошѣ* и т. д.

Высокая продуктивность образования, переменный характер компонентов, препятствующий лексикализации сложносоставной единицы, наряду с ее раздельнооформленностью — важнейшие черты, сближающие сложносоставную единицу со словосочетанием, в первую очередь со сло-

бодным словосочетанием. Сложносоставные единицы связаны со словосочетанием также и генетическими отношениями (так же, как это наблюдается и по отношению к сложному слову, но с другим направлением производности): так, они используются, напр., в профессиональном просторечии в качестве более краткой замены нейтрального, официального наименования, ср.: *яйцо-бой*, *мясо-свинина*, *сахар-песок*, *больные-хроники*, *отчеты-выборы* вместо соответствующих им сочетаний. Выступая свернутым, компактным репрезентантом более кратких единиц — одна из существеннейших черт функционирования „двойншек”. Все это служит лишним доказательством того, что сложносоставные единицы не должны быть относимы к словосочетанию, что они обладают собственным статусом в качестве языковых, а также речевых единиц.

Синтаксическая однородность, „уравновешенность” сложносоставной единицы не означает ее такую же семантическую однородность. Один из компонентов, как правило, является в семантическом отношении ведущим, классифицирующим, другой — его уточнителем и конкретизатором. Стабильность сложносоставной единицы в системе языка определяется фиксированным порядком, стабильным порядком компонентов. Признание фиксированного порядка компонентов сложносоставной единицы с препозитивной позицией ведущего компонента встречается во многих работах, где убедительно доказывается, что изменение порядка компонентов означает изменение смысла всей единицы [Молошная, 1975, с. 34], что порядок компонентов не является обратимым, и, таким образом, *норманны-завоеватели* означает не то же, что *завоеватели-норманны*.

Одной из распространенных семантических моделей сложносоставной единицы служит нейтральное, общелитературное, „номенклатурное” наименование объекта и его характеристика, экспрессивная либо уточняющая, либо родо-видовая: *роман-автобиография* и *роман-эпопея*, *дом-подкова* и *дом-вокзал* и т. д. Однако в зависимости от гиперо-гипонимических отношений, в которые оказывается включенным составной двуучлен, ведущим может оказаться не первый, а второй компонент: *писатель-скептик* и *читатель-скептик*. Место ведущего компонента вообще может быть нерелевантным: *читатель-скептик* и *скептик-писатель* объединятся в одном тексте по „родовому” признаку (*скептик*), который в случае одиночного употребления первого из данных двуучленов, т. е. прежде всего соотносимый с единицами лексики — языковыми единицами, несомненно был бы воспринят как компонент уточняющий и характеризующий.

Еще нагляднее данное свойство сложносоставной единицы изменять свою семантическую структуру, присущую ей как языковой модели, в речевом употреблении, проявляется в художественном тексте, где она не только включается в соответствующий гиперо-гипонимический

ряд, но и становится важным элементом структуры текста, взаимодействуя с другими его компонентами, превращаясь нередко в ключевое слово и принимая на себя выражение основной идеи. Ограничимся всего одним примером из художественной публицистики. В интервью Гарсиа Маркеса (Лит. газ., 1986, 2 янв.) таким центральным звеном, образной концентрацией размышления писателя о национальной культуре оказывается сочетание *мулатка-мадонна*:

...И тут гораздо ценнее, чем природные ресурсы, огромное культурное наследие, многоликая первоамерика, пронизывающая нашу жизнь на каждом шагу. Это культура сопротивления, кроющаяся в потайных закоулках нашего языка, в образах мулатки-мадонны – кустарных хранительниц наших очагов, в чудесах истинной неокорности народов колониальным и церковным властям... Это культура протеста, таящегося в индейских лицах ангелов в наших храмах... (разрядка наша. – С. Н.-С.).

Контекст не оставляет сомнений в том, что мулатки в данном случае – определение, оно классифицирует, характеризует, несмотря на позицию, характерную для определяемого члена. Выражение *мулатки-мадонны* связано с общей идеей о том, что искусство латиноамериканцев самобытно и независимо, о чем свидетельствуют мадонны, напоминающие мулаток, и ангелы с лицами индейцев.

Таким образом, сложносоставные единицы („двойняшки“) не могут быть отнесены ни к уровню слова, как единицы, четко отграниченные от сложного слова, ни к уровню словосочетания. Их специфику в качестве единиц особого, промежуточного уровня составляет сочетание присущей им семантической цельности и взаимосогласованности, взаимокоординированности, параллелизма грамматического оформления их компонентов. Семантика этих единиц зависит от того, с какими единицами, образованными по той же модели, они соотносятся – с единицами языка, характеризующимися определенным порядком компонентов, или единицами речи, допускающими иное их распределение и, следовательно, иное семантическое толкование.

ON THE STATUS OF THE SO-CALLED "APPOSITIONAL COMPOUNDS" IN LANGUAGE AND SPEECH

S. NEDELYAYEVA-STEPONAVIČIENĖ

Summary

The article deals with the structures which in Slavonic and Baltic linguistics are traditionally called by different terms as "appositional compounds", "binoms", "twins", "additional word groups", "appositional word groups", etc. An attempt has been made to show that they are neither word groups nor compounds. They are structures of an interlevel, having a status of their own.

ЛИТЕРАТУРА

Абакшина, 1984 – Абакшина Г. М. Сложносоставные слова в толковых словарях русского языка (на материале имени существительного). – В кн.: Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984.

Авазбаев, 1969 – Авазбаев Н. К вопросу о синтаксической связи между компонентами структуры приложения. – Уч. зап. МГПИИЯ, 1969, т. 52.

Балтова, 1971 – Балтова Ю. За границата между сложна дума и словосъчетание. – Български език, 1971, кн. 2–3

Граудина, 1983 – Граудина Л. К. Беседы о русской грамматике. – М., 1983.

Джоглидзе, 1979 – Джоглидзе Л. И. Новые слова в современном русском языке. На материале газеты „Правда“ за 1971–1975 гг.: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1979.

Киреевский, 1864 – Киреевский П. Песня. – М., 1864, ч. 2, вып. 6.

Лексика современного русского языка, 1968 – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка. – М., 1968.

Молошная, 1975 – Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в современных славянских языках. – М., 1975.

Овсянко-Куликовский, 1902 – Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1902.

Павлов, 1985 – Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л., 1985.

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика. – М., 1980, т. 2.

Ряшенцев, 1976 – Ряшенцев К. Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке. – Орджоникидзе, 1976.

Стефанов, 1968 – Стефанов Ст. Возможность за беспредельно съчетаване на съществителните имена с атрибутивна функция в съвременния български книжовен език. – Език и литература, 1968, № 1.

Veše, 1957 – Zwillingswörter im Mongolischen. – Acta Orientalia, t. VII, f. 2–3. Budapest, 1957.

Jodłowski, 1977 – Jodłowski S. Zestawienia bliźniacze w języku polskim. – Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językowego, 1977, XXXV.

Klemensiewicz, 1982 – Klemensiewicz Z. Składnia, stylistyka, pedagogika językowa. – Warszawa, 1982.

Nilson, 1957 – Nilson N. Un type d' expression métaphorique dans la poésie moderne russe. – Scando-Slavica. Copenhagen, 1957, t. 3.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Каспукаса

Февраль, 1986

Кафедра русского языка